

Вихрь

Полн черных дум, я в поле проходил,
И вдруг, среди истомы и тревоги,
Неистовым настигнут вихрем был.
Средь тучи пыли, поднятой с дороги,
Древесные кружилися листы,
Неслись снопы, разметанные стоги,
Деревьев ветви, целые кусты.
Стада, блея и головы понуря,
Помчались; рев и вой среди темноты
Такой поднялся, что, глаза зажмуря,
Я побежал и думал, что разбить
Иль вымести хотела землю буря.
Мгновенно дум моих порвалась нить.
Попавши в круть и силяся напрасно
Запорошенные глаза открыть,
Я вспомнил Дантов адский вихрь ужасной,
Который гнал, крутя, как лист в лугу.
Теней погибших вечно сонм злосчастной.
И что же? Вдруг я слышу на бегу,
Что не один я схвачен адской кручей
И волочусь в безвыходном кругу.
На миг открыв глаза, сквозь вихорь жгучий
Я множество узрел голов и лиц.
Одежд, как парус бившихся летучий,
Взбесившихся коней, в пыли возниц,
Детей и женщин, подымавших руки
Из-под колес разбитых колесниц.
Лишь по устам, открытым в страшной муке,
Я понимал, что все они вопят,
Но вихорь вырывал из уст их звуки,
И мчал он их, как щепки водопад...
Я вдруг попал в затишье за скалою,
И провожать бегущих мог мой взгляд.
И видел я: тяжелою стопою,
Как мчатся в страхе по полю быки
И между них телята хвост строкою,

Бежали юноши и старики.
Над ними вихрь кружил листы бумаги
И рвал с голов седые парики...
Педантов вмиг узнал я в сей ватаге:
Их жалкий круг когда-то охранял
Наук святыню и, в слепой отваге,
Дорогу к ней народу преграждал...
За ними вслед исчадь канцелярий
Дельцов, пройдох печальный сонм бежал...
Тут были мопсов морды, волчьи хари,
И головы ушастых лошаков,
И Зевс миров подъяческих, и парий.
Их точно гнал незримый рой бесов.
Один толстяк упал, изнемогая,
Но вихрь его, средь пыльных облаков,
То вниз, то вверх кидал, как мяч швыряя;
Другому же блудница на плеча
Повисла, как вампир, его кусая:
Он бил ее, зубами скрежеща...
За ними дам толпы, в наряде бальном,
В венках из роз, в гирляндах из плюща,
Как будто плыли в вальсе музыкальном,
Подобные летящим лебедям
Над синей степью к озерам зеркальным,
И франтов рой бежал по их следам,
Толкаяся и руки простирая
За улетающей толпою дам,
Так спугнутых домашних уток стая
Бежит по пруду, шлепая крылом
И взвиться в воздух силы напрягая...
Но вихорь стал еще сильнее потом,
Опять толпы помчались в урагане,
Как армии в дыму пороховом.
Как в разноцветном, огненном фонтане,
И голубых и алых лент цвета
Передо мной мелькали, как в тумане.
Я чувствовал: страшна та высота,
С которой вихрь низвергнул сих несчастных...
Но вдруг, смотрю, яснее темнота,

И пыли столб, и с ним толпа безгласных
И жалких жертв в клубящемся песке,
Весь просиял в отливах света красных,
И в белой ризе, крест держа в руке,
Маститый старец стал перед толпами,
Как каменный утес в упор реке.
Он вопиял: Покайтесь! и перстами
Указывал на город... Я взглянул
И онемел... Огонь, клубясь волнами,
Над городом всё небо обогнул.
Из дыма искры сыпались, как семя
От веяла, и вдруг, сквозь треск и гул,
С небес раздался глас: Приспело время!
Се тот, кого забыли вы! Долой,
О блудное и ветреное племя!
Я в ужасе упал полуживой.